

Помнишь, как шел
ошалелый паяц
Перед шеренгой
на Аппельплац,
Тум-балалайка,
Шпиль-балалайка,
В газовой камере
мертвые в пляс.

Все ли о том снето,
Все ли навек с болью,
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою?

ТУМ балалайка

антифашистская газета
вольных ежей

март-апрель 1997 г.

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой и зови к бою!
... Пой, труба, не чуди
коленцами,
Пой, труба, чтобы сила
крепла,
И чтоб встали мы, как
в Освенциме,
Взявшись за руки -
среди пепла!

А. Галич

Сон разума рождает чудовищ

... да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
А.С.Пушкин

Власть какой-либо идеологии - явление одновременно политическое и культурное. Победа бесчеловечной идеи - будь то инквизиция в средние века или фашизм в XX веке - это всегда победа над разумом, кошмарный сон сознания создает кошмарную реальность. Гуманизм - это возрождение мысли - лишь усилением рассудка может быть преодолен иррационализм кошмара, разрушена злая власть мрака бессознательного.

Необходимо осмысление форм существования фашистской идеологии, как политических, так и культурных. Политическая борьба без культурного преодоления в конечном счете бесполезна. Для защиты культурных ценностей требуется сознательный отпор разрушительному наступлению фашистской идеологии. Нельзя допустить фашистских тенденций в литературе, музыке, искусстве, истории, философии - примириться с фальсификацией культуры - значит потерять ее. Популярная ложь не должна уничтожать истинные ценности, даже если в какие-то эпохи ими перестают дорожить. Фашисты могут только разрушать культуру. Взамен они не создают новые ценности, а только "рождают чудовищ".

*Воображение, покинутое разумом, порождает
немыслимых чудовищ; но в союзе с разумом оно -
мать искусств и источник творимых ими чудес.*

Ф.Гойа, "Капричос"

Интеллигентный фашизм

Впервые столкнувшись с философией “интеллигентного фашиста” А.Н.Севастьянова - пугаешься. Изумляет прямота нехарактерных для националистов-популистов выражений (например, резкое слово “геноцид” так прямо и произносится, причем безо всяких самооправдательных уловок или смысловых смещений, просто: геноцид - разумный способ создания национального капитала). Еще более неожиданной кажется готовность Севастьянова признать исторически достоверными все те бесчисленные преступления про-

тив человечности, на отрицании которых строятся неофашистские теории.

Своеобразное социальное понимание истории А.Н.Севастьяновым не столько даже оправдывает, сколько признает закономерными и неизбежными в равной мере газовые камеры нацистов и истребление североамериканских индейцев, сталинские депортации народов СССР и агрессивную политику англичан в колониях. “Национализм экономически оправдан,” - на этом постулате основан исторический анализ Севастьянова. Именно цинизмом этого утверждения и достигается столь пугающий эффект, ощущение серьезности и опасности теории Севастьянова возникает из этой якобы расчетливой постановки вопроса: выгодно - значит хорошо.

Между тем, такая позиция в чистом виде не может служить базой для сильной идеологии фашистского типа. Это скорее подход капиталиста, не стремящегося ни к чему, кроме выгоды и экономического роста. Это-то и сбивает с толку, попытка антифашистской атаки на Севастьянова разбивается о его логику бухгалтера, критика его сомнительных историко-экономических выводов бессмысленна в контексте фанатичной идеи национальной чистоты и реваншизма. С кем же мы имеем дело и какие основания считать господина А.Н.Севастьянова, выступающего то в роли национал-капиталиста, то буржуазного интеллигента, то русского националиста, фашистом и подонком, запутавшимся в собственном комплексе неполноценности?

При ближайшем рассмотрении общественного идеала Севастьянова, его идеи “русской национальной технократической России” становится очевидным, что псевдоиничный рационализм его логики всего лишь маска. Севастьянов оказывается вовсе не чужд националистическому идеализму, столь характерного для фашистских идеологий, когда собственная национальная принадлежность приобретает черты маниакальной идеи. Основанием для подобной мании величия неизбежно становится панический страх перед другими нациями, а нагнетанием

ощущения постоянной угрозы с их стороны достигается эффект этаккой самозейфории, убежденность в собственной значимости и жертвенности. Потребность в такого рода национализме не имеет, конечно, ничего общего с какой бы то ни было экономической выгодой. Разговоры о “полезности” и “целесообразности” утрачивают всякий смысл в сочетании с националистическим комплексом неполноценности, ради преодоления которого создается устрашающая, но весьма примитивная по сути мифология национального превосходства.

В этом смысле нам кажется абсолютно бессмысленным серьезный анализ соображений Севастьянова об экономической выгоде геноцидов. Более интересным представляется уделить внимание специфическим аспектам “интеллигентного фашизма”, благодаря которым он все же выделяется из ряда всевозможных любителей “русской России”. Национализм Севастьянова особого, “классового” типа, то есть им утверждается превосходство не только одной нации над другими, но и одного класса, а именно интеллигенции.

Определение интеллигенции как класса, причем класса антагонистического рабоче-крестьянскому гегемону, отражает своеобразное вывернуто-марксистское понимание Севастьяновым современного общественного устройства. Приветствуя развал СССР с позиций националиста, а последовавшие за этим экономические перемены с точки зрения капиталиста, Севастьянов утверждает, что “перестройка и крах коммунистического режима есть классовый реванш интеллигенции” (“Дуэль” N3, 1997). Таким образом, ненависть к коммунистам, гордость за интеллигенцию и мечта увидеть Россию “русской” и “технократической” сплетаются в один тесный клубок.

Не стоит, вероятно, подробно останавливаться на प्रति в речиях доктрины Севастьянова, пытающегося убедить самого себя в способности и желании русской интеллигенции отстаивать свои национально-классовые интересы, среди которых он сам выделяет индивидуализм, “национальную амбивалентность в науке и культуре”, “потребность в демократических свободах”.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

НАЦИОНАЛ—ДЕМОКРАТИЯ
или
НОВЫЙ РЕАЛИЗМ

МОСКВА

“Александр Севастьянов”

1996

Несовместимость подобных ценностей с мононациональным государством господ интеллектуалов, о котором мечтает Севастьянов, очевидна. Ставка на интеллигенцию уже подвергалась жестоким нападкам менее культурно ориентированных идеологов "русской России". Для нас важнее понять, чем вызвана эта неожиданная вера в интеллигенцию как в гарант русского национализма.

По-видимому, тем же, чем и сам национализм. Подобно тому, как Севастьянов, считая себя русским, испытывает восторг перед всеми русскими, его энтузиазм в отношении интеллигенции вытекает из его "классового сознания": самого себя он, конечно, считает интеллигентом. "Интеллигентный фашизм" ничем не отличается от обычного - то же представление о собственной униженности, притесненности за счет других (в одном случае -

народов СССР, в другом - рабочих и крестьян), тот же комплекс неполноценности и невостребованности. Отсюда и мечта о государстве интеллигентов, о "реванше".

Что ж, похоже, теория Севастьянова не так уж и необычна. Большой популярности она не получит: мало кого удовлетворит сочетание национальной идеи с интеллигентской. Не так уж многие разделят с Севастьяновым его муки комплекса неполноценности сразу и в том, и в другом. Поэтому бояться его не надо, но и не обращать внимания опасно. Интеллигенция и культура стоят того, чтобы за них бороться. А узурпаторы заслуживают разоблачения.

Arst*

Национальная безопасность или "безопасный" национализм

Коллаж Ивана Федорова

В начале мая 1996 года в продаже появилась книга начальника пресс-службы Санкт-Петербургского управления ФСБ Е.Лукина "На палачах крови нет. Типы и нравы Ленинградского НКВД". По форме это произведение относится к жанру биографических новелл, основанных, судя по ссылкам, на документах НКВД, ГПУ, КГБ СССР, и представляет собой сборник двенадцати очерков жизни сотрудников Ленинградского управления НКВД, принимавших непосредственное участие в массовых репрессиях 1937-38 гг.

Однако автор отнюдь не беспристрастно относится к героям своего произведения, и достаточно сложно понять, что в книге является реальным фактом, что - литературной выдумкой автора, и насколько надежны свидетельства, на которые он опирается. Создав полулитературные образы своих героев, автор, несомненно, вложил в созданные им персонажи и свое личное представление как об описываемых им лицах, так и о системе, в которой эти лица действовали. Именно это отношение и хотел передать автор своему читателю, иначе труд не был бы литературным, а превратился бы в сухую хронику документированных событий. Каковы же основные идеи автора?

Главная мысль, которая буквально вдалбливается на протяжении всей книги, заключается в том, что все чудовищные преступления ЧК и НКВД организовали евреи, которые руководствовались вековой ненавистью к России и ко всему русскому, чувством мести за национальное угнетение в царской России, а также личным карьеризмом и жадной наживы. Что же касается русских "палачей", то они были лишь рабами обстоятельств, бессознательными марионетками в руках евреев. "Доказательством" этого являются сами биографические очерки: автор старательно подчеркивает еврейское происхождение девяти следователей НКВД, истязавших арестантов на допросах, а также усердно

ищет моральные оправдания для русских по происхождению исполнителей расстрельных приговоров. Русские "палачи", на которых "крови нет", в представлении автора лишь заблудшие души, простые люди, не понимавшие, что они творят. "Неведомо, о чем думал и Поликарпов. Думал, верно, о том, что не его это дело - судить да рядить, его дело - исполнять: враги народа очень мешают делу мирного социалистического строительства. А он расправляется с ними по закону революционной справедливости. Если не он, то другой железный боец на тайном фронте борьбы с империалистическим охвостом выполнит долг - скомандует "пли!"".

В независимой экспертизе, проведенной членами Петербургского союза ученых из Международной группы по правам меньшинств (MRG International), констатируется, что "труд Е.Лукина оказывается направленным не столько на раскрытие типов палачей и нравов Ленинградского НКВД, сколько на указание основных причин появления этих типов и нравов, которые, по его мнению, лежат в демократии и евреях. Поэтому книга направлена на воспитание не патриотизма, а антисемитизма, что по сути своей есть призыв к палачам будущего, которым тоже будет не в чем раскаиваться перед потомками."

Естественно, многие общественные организации Санкт-Петербурга отреагировали на появление этого ли-

тературного произведения. Было отправлено письмо начальнику УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области В.В.Черкесову, с просьбой объяснить появление данной книги из недр ФСБ, организации, официально призванной защищать государство от подобных идей. На это начальник УФСБ прислал краткий невежливый ответ, сообщающий, что "в компетенцию органов ФСБ не входит осуществление цензуры литературных произведений" и что "сотрудникам ФСБ предоставлено право заниматься научной и иной творческой деятельностью".

Тогда правозащитная организация "Мемориал" отправила Генеральному прокурору РФ Ю.Скуратову прошение, призывающие рассмотреть сочинения Е.Лукина и, "в случае признания факта нарушения действующего законодательства, принять соответствующие меры по защите закона Российской Федерации". Но это письмо и вовсе осталось без ответа.

Прошел уже год, книга Е.Лукина все еще лежит на книжных лотках, люди ее покупают, покупая тем самым, кроме низкопробной литературы, еще и древнюю, как сама Россия, мракобесную дребедень.

Лев

Патриотизм в истории

Составлено на основе статей Я.С.Лурье
"Национализм и русская историография XX века"¹⁾
и "Древняя Русь в сочинениях Л.Н.Гумилева"²⁾

Доктор филологических наук Я.С.Лурье - известный историк и литературовед, видный специалист в области древнерусской литературы, автор многих книг и статей.

У людей, не занимающихся специально историей, а иногда и у историков нередко возникает представление об историческом знании "вообще", о некоторых "общеизвестных" положениях, принадлежащих к области "внеисточничного" знания. Это иллюзия. Конкретные факты устанавливаются в истории, как и в естественных науках, только эмпирическим путем, а эмпирической основой исторического знания служат источники. Уже с конца XIX и в особенности в XX веке историки обратили внимание на то, что неточность и недостоверность источника представляет собою важный факт, так как характеризует самый памятник, его тенденцию, идеологию и т.д. Ни один историк не может отрешиться от реконструкции фактической истории изучаемой им эпохи, от стремления выяснить "как это было на самом деле".

Примерно такой русская историография и сложилась во второй половине XIX века. Хотя и тогда были историки-любители, которые пытались осмыслить всю историю через призму национально-патриотических идей. После революции давление идеологии усилилось, а со

времен Второй мировой войны идеологический гнет полностью пал на плечи истории. История превратилась в учебник патриотизма. Стали выдумываться различные концепции, и уже под них подгоняться какие-то факты, зачастую не совсем достоверные или же и вовсе выдуманные.

Надо признать, что и в царское время такой подход поощрялся. Но в настоящей историографии, к счастью, не присутствовал. Этим занимались "любители", типа некоего А.Нечволодова, профессионального военного, написавшего "Сказания о Русской земле", где он среди прочего приобщает к нашим "смелым, мудрым и благородным предкам" Ахилла, "Скифа-Славянина", "уроженца берегов Азовского моря, родины нашего доблестного Донского казачества". Но смешно то, что этот курьез был воспроизведен в середине 70-х годов нашего века писателем А.Юговым, заявившим, что Ахилл был "русским князем", осаждавшим "во главе своей русской дружины Трои".

Коммунистическая историография, и так живущая в тени марксистских идей об историческом процессе, преобразова-

лась в откровенную агитку патриотизма. И преобразовывалась она людьми с весьма странными представлениями об истории.

Толчок этому дала прежде всего речь Сталина в день парада 7 ноября 1941 г.: "Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!". С этого времени роль истории как своего рода учебника патриотизма стала доминирующей в изучении прошлого нашей страны. Были решительно осуждены любые проявления "норманизма" - указания на какую-либо роль норманнов в древнейшей истории Руси, канонизированы образы "великих предков", клеймились враги России - от половцев и Чингисхана до Наполеона и Шамиля, - и прославлялись великие русские полководцы.

Именно на такой почве выросло и то направление нашей общественной мысли, которое противопоставило общечеловеческим идеалам и пацифизму идеи "национальной судьбы" и "национального (или этнического) сознания". Довольно четко прослеживаются в этом направлении две линии, хотя по времени и переплетающиеся между собой.

Одна из них сохранила своеобразный дуализм, свойственный официальной идеологии в послевоенные годы: сочетание декларативного марксизма, ссылок на советский интернационализм, с культом "великих предков" русского народа, несколько неожиданное сведение "гносеологии диалектического материализма" к суворовскому возгласу: "Мы русские - какой восторг!".

Другая линия - менее официальная и опирающаяся не столько на марксизм (хотя неизбежные ссылки на него и здесь фигурируют), сколько на западную геополитику и "евразийство". В основе ее лежат идеи "этнуса", этнических "стереотипов поведения" и "генетической" и "исторической памяти", присущей всем народам и удерживаемой "какими-то участками вегетативной, а то и центральной нервной системы".

Первая линия представлена именами А.Югова, В.Чивилихина (чей "роман-эссе" "Память" дал имя одноименному обществу), А.Кузьмина. Вторая - прежде всего именем Л.Н.Гумилева и его единомышленников - Ю.Бородая и писателя Д.Балашова. В основе концепции Гумилева лежит представление об этносах как "коллективах, возникающих и исчезающих в историческом времени", проходящих фазы подъема, акматическую фазу, фазы надлома, инерции и обскурации за 1200-1500 лет. Этнические системы возникают вследствие "пассионарного толчка", совершаемого особыми людьми - "пассионариями", действующими под влиянием импульса, направленного против инстинкта личного или видового самосохранения. Таким импульсом служит, например, "самопожертвование ради других, ради отечества - патриотизм, не объясняемое никакой выгодой". Связи между этносами "нарушают течение этногенезов, создают зигзаги истории, порождают химеры и зачинают антисистемы. Идеологические воздействия иного этноса на неподготовленных неопитов действуют подобно вирусным инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму". С этим же связано осуждение Гумилевым межэтнических браков, которые ведут "к нарушению этнических традиций, ибо мать учит ребенка одним навыкам..., а отец - другим. Создается смешанный генофонд, в некоторых случаях дающий жиз-

неспособное потомство, а во многих - неполноценное...". Подобные браки, "будь то в масштабах государства, родового союза или моногамной семьи, следует квалифицировать как легкомыслие, преступное по отношению к потомкам...".

При изложении истории Киевской Руси Л.Н.Гумилев в основном опирался на пробелы в летописной традиции, позволявшие ему строить произвольные конструкции; описывая историю последующих веков, он систематически умалчивает о том, что повествуется в летописях, сообщая читателю нечто такое, чего ни в каких источниках найти не удастся. Вопреки единогласным свидетельствам трех различных летописных сводов, он говорит о походах Батая, как о "кампаниях", незначительно уменьшивших "русский военный потенциал"; безо всякого обоснования источниками утверждает, что Олег Святославович, Игорь Северский и даже, возможно, Александр Невский были несториянами. Беда здесь не в том, что Гумилев высказывает спорные или ошибочные утверждения, а в его принципиальном неприятии источника как основы исследования, в замене источника собственными теоретическими построениями. Для подтверждения таких построений автор ссылается на любые попавшиеся под руку сочинения, "не вызывающие сомнения", - на популярные издания, вузовские учебники, художественную литературу (скажем, на лермонтовскую "Песнь о купце Калашникове"). Всякое прямое обращение к источнику он считает "мелочеведением".

Историческая наука за последние десятилетия во многих случаях была дискредитирована, она часто отходила от тех научных норм, которые утверждались в ней в начале XX века, и подчинялась навязанным идеологическим задачам. Отказ от прежнего мировоззрения создал некий идеологический вакуум, который постоянно заполняется самыми различными мифами, легендами и суевериями. Сочинения Гумилева, претендующие на научность, поражающие читателя экскурсами в самые различные области знания и сложной биологической и физико-химической терминологией, ощущаются как новое слово в историографии и философии.

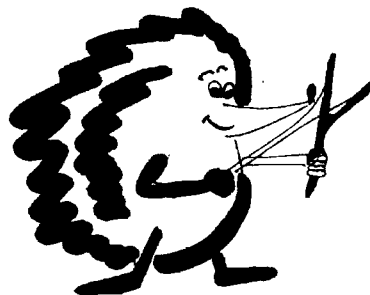
Построение Гумилева не только теоретически уязвимо, но фактически неверно. Проверка его на материале источников по истории древней Руси обнаруживает, что это - не попытка обобщить реальный эмпирический материал, а плод предвзятых идей и авторской фантазии.

Все это было бы вполне терпимо, если бы книги Гумилева подавались как художественная литература. Но они претендуют на научность, и, увы, так и воспринимаются большинством читателей.

Л.В.

1. Национализм и русская историография XX века// Национальная правая прежде и теперь. Ч. 2. Вып. 1. СПб, 1992

2. Древняя Русь в сочинениях Л.Н.Гумилева// Звезда, 1994. N 10

О чем плачут у “Стены плача”¹⁾

Каждый пишет, как он слышит;
Каждый слышит, как он дышит.

Б.Окуджава

Кажется, можно захлебнуться в море печатной продукции - газет, брошюр, журналов, листовок - распространяемой на улицах наших городов. За ними стоят политические партии, организации, группы, иногда независимые лица. Сегодняшняя пресса отражает политический сумбур нашей жизни. Характерные признаки некоторых изданий - нетерпимость к мнению других, нежелание и неумение слушать и спорить, крик и драка как главные аргументы спора, невежество и склоность. Почти нет независимых и беспристрастных газет и журналов. Вместе с тем каждый высказывающийся убежден, что именно он и призван все наконец-то объяснить и изречь истину.

Легко заметить, что люди, которые продают газеты “Завтра”, “Лимонка”, “Дуэль”, “Наше отечество” и прочие подобные издания, никогда не станут распространять “Час пик”, “Реклама - шанс”, “Из рук в руки” и другие. Напротив, вы никогда не встретите продавцов рекламных газет у “Стены плача” перед Гостиным Двором на Невском проспекте. Там стоят люди, продающие “патриотическую” прессу, работающие “не за страх, а за совесть” в любую погоду.

В целом же можно сказать, что мир газетных распространителей очевидно расколот на два лагеря. Назовем их “демократы” и “патриоты”.

Также как среди “демократов”, среди “патриотов” нет единства. Баркашовцы из Русского Национального Единства (РНЕ) предпочитают распространять свою газету “Русский порядок” самостоятельно и, что характерно, держатся не поодиночке, а группами. По-видимому, они боятся противодействия со стороны антифашистов, которым объявляется война через те же газеты. “С этой братией давно пора бы разобраться... топтать знамя со Свастикой - это уже богохульство. Такого не прощают!” (“Штурмовик”, N17, 1996).

Авторы газетных материалов хорошо знают свою аудиторию и умело выбирают дозу, необходимую, чтобы подсластить пилюлю. Национал-патриотическая литература обращается к самым разным слоям общества и прицельно бьет по слабым местам. Одни читатели выбирают умеренно консервативную, но достаточно шовинистическую и антисемитскую газету “Завтра”, которая, по всей видимости, является особенно популярной в коммуно-патриотических кругах. Другим, более радикальным, по нраву такие газеты, как “Русский порядок” (РНЕ), “Респектабельная республика” (НРПР), “Русский реванш” (РНМС), “Черная сотня” А.Штильмарка. Для желающих шокировать мирных обывателей имеется экстремистская газета “Штурмовик” (РНС)²⁾. На “тех, кто любит думать” (по скромному заявлению, видимо, принадлежащему главному редактору Ю.Мухину), рассчитана газета “Дуэль”. Как стоит в подзаголовке, это “газета борьбы общественных идей”, которые высказываются на ее страницах не так прямолинейно, как в “Черной сотне” или “Штурмовике”, и требуют определенного

Коллаж Ивана Федорова

напряжения мысли. А журнал А.Дугина "Элементы" вообще без серьезной образовательной базы не поймешь. Он бьет по людям просвещенным, экстравагантным, увлекает софистикой, ниспровергает привычные нормы и формы поведения, переворачивая все с ног на голову и перекрашивая черное в белое.

Несмотря на изощренную интеллектуальность одних и пропагандистский примитивизм других, мысль, проводимая национал-патриотами с упрямой настойчивостью, хотя и подана под разными соусами, одна и та же во всех газетах.

Особенно болезненным традиционно является еврейский вопрос. Ни одна из перечисленных выше газет не выходит без карикатуры на человека с большим носом, сидящего на мешке с деньгами. Кажется, что вы читаете черносотенную газету дореволюционной России или листовку нацистской Германии. Кстати, ряд таких изданий воспринял традицию и названия газет и журналов, выходивших в России еще в прошлом веке (например, газета "Русское Дело", учрежденная в 1886 г. писателями-славянофилами).

Доктор технических наук В.Кашинов в статье "Популяционная генетика и еврейский интеллект" с научной серьезностью рассуждает о чистоте крови, расовой теории и приходит к выводу: "разница средних показателей интеллекта для разных национальностей - налицо. И действительно, мы каждый день наблюдаем генетически предопределенную разницу между представителями разных национальностей: в цвете кожи, форме носа и ушей, курчавости волос и т.д. Так почему же мы должны априори, без серьезных научных исследований утверждать равенство свойств интеллекта для различных национальностей? Такой подход не может быть признан научным." ("За Русское Дело" (РНОД), 1997, N2). Автор заканчивает свою статью следующим выводом: "Они (еврей - Т.) по-прежнему продолжают радоваться, разрушая все, к чему бы они ни прикоснулись." Выводы не хуже расовых теорий А.Розенберга времен Третьего Рейха!

Впрочем, в "эпоху гласности" (жаль, что редакторы национал-патриотической прессы не ценят свободу слова, которой так полно пользуются) можно и вовсе не скрывать своего восхищения нацизмом, открыто использовать фашистскую символику, а противодействие ее распространению считать "богохульством" ("Штурмовик", цит. см. выше).

Националистические газеты из номера в номер печатают списки настольных книг русского патриота. Так, газета Русского Националистического Союза Молодежи (РНСМ) "Русский реванш" (N1) делает анонс: "В связи с активизацией деятельности антифашистских организаций в России, издательство журнала "Наследие предков" выпустило брошюру Бенито Муссолини "Доктрина фашизма." На Муссолини, как на одного из самых значительных и увлекательных философов нашего столетия, "ориентира для нового неконформизма", ссылается журнал "Элементы" (N7, 1996, с. 12). (К слову, Библиотека иностранной литературы в Москве предлагает целую серию произведений итальянского дуче - руководства для тех, кто метит в диктаторы - как новинку года.)

По этому поводу необходимо указать на следующую тенденцию: еще пару лет назад патриоты обижались на обвинения в фашизме и национализме; теперь самые радикальные из них кичатся своей экстравагантностью, желанием возродить штурмовые отряды по типу СС (PHE,

PHC). "Гитлер открыл новое измерение действительности, в которой реальное, нерожденное обретает абсолютное значение." ("Штурмовик", там же).

В целом, национал-патриотическую прессу, несмотря на внутренние противоречия и незначительные расхождения в методах ведения пропаганды, объединяет ненависть к демократии, либерализму, интеллигенции. "За всеми этими абстракциями (демократия, цивилизация, государство)... - все формы идеологии посредственности." ("Элементы", см. выше). Интеллигенция обвиняется "в неспособности сплотить массы вокруг тех ценностей, которые они выдвигают" (Там же, с. 10).

Вместо общечеловеческих ценностей и гражданского общества предлагается вернуться к "традиционному обществу", "осуществить "консервативную революцию" путем реставрации нормальной модели власти, иерархии, государства и т.д. ... Приход к власти Гитлера в Германии (был - Т.) первым шагом на пути к возврату к традиционному обществу" (Там же, с. 21). Под "традиционным обществом" понимается общество, руководствующееся естественным правом "зуб за зуб", "око за око", "кровь за кровь".

Простите, а как же многовековая история человечества, культура, цивилизация, все то, что делает нас людьми?

К счастью, большинство все же разделяет общечеловеческие ценности: "не убий", "не пожелай ближнему своему того, чего не пожелаешь себе" и другие заповеди морали и нравственности. Передергивая исторические факты и переставляя акценты, фашисты и националисты в своем воспаленном, болезненном воображении видят кровавую картину мира, мира насилия, рождающегося из недр подсознания, не управляемого рассудком. В этом мире нет развития, нет прогресса. В нем повсюду смерть, зловоние разлагающихся трупов. У этого мира нет будущего.

Каждый несет ответственность за свои слова и поступки. Слова нередко приводят к преступлению.

Национал-патриотическая литература подобна психотропному средству, разрушающему работу мозга и возбуждающему подсознание. К сожалению, трудности сегодняшней жизни сильно ослабили иммунитет у многих сограждан, и это все чаще и чаще вызывает приступы безумия.

Трухти

1. "Стеной плача" называют в Петербурге участок Невского проспекта у Гостиного Двора, где продается национал-патриотическая и коммунистическая литература.

2. Перечень национал-патриотических организаций и их изданий см. в кн.: Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России. История. Идеология. Экстремистские тенденции. М., 1996

Об ответственности пишущих

Г. Гросс "Писатель, это ты?" 1935г.

Фашизм и философия, фашизм и культура - что может соединять эти противоположные пары понятий, как не полная и абсолютная несовместимость: присутствие одного должно означать отсутствие условий существования другого. Хотя Мераб Мамардашвили в таком случае говорил об "отрицательном условии философии" - прежде чем

мысль смогла бы родиться, философа нужно перестать бить палкой по голове... Впрочем, технические средства контроля за состоянием умов со времен Древней Греции значительно усовершенствовались; именно одному из нацистских руководителей приписывают печально знаменитое "когда я слышу слово "культура", моя рука тянется к револьверу". Сейчас, вероятно, недостаточно просто повторять старое и верное определение фашизма как современного варварства и антигуманизма - любой культурно- (и здраво-) мыслящий человек с этим согласится, а откровенно бравировать кострами из книг не всегда решаются даже те, кто готов "сугубо научно" обосновывать и укреплять расовые или национальные предубеждения. Со стороны этих последних в ход, скорее всего, пойдут имена Бернарда Шоу и Эзры Паунда, Луи-Фердинанда Селина или Дмитрия Мережковского, наконец, Карла Орфа или Эрнста Юнгера, - всех тех, кто в той или иной степени интересовался, активно участвовал или хотя бы оказался связан с нацистским или (более "мягким" и приемлемым) фашистским движением. Заодно в исторически-примиряющем духе часто вспоминают об увлечении сталинизмом многих видных левых мыслителей, и мы оказываемся в захватывающем интеллектуальном полумраке, где все кошки серы, тоталитарная ортодоксия равно скучна и бесплодна, зато соображения попутчиков - неважно, разочаровавшегося коммуниста или рано прозревшего "консервативного революционера", одинаково интересны и поучительны.

В чем же заключалась определенная интеллектуальная притягательность фашистской, антилиберальной-националистической идеологии в прошлом, и главное - что может придавать ей подобие некоего интеллектуального "блеска" и мнимой "оригинальности" даже сейчас?

1. Крушение либерализма после Первой мировой войны, когда стало ясно, что старой буржуазной, добротной устроенной Европы "прекрасной эпохи" уже не существует, что ее идеалы оказались небезопасным мифом, который в новое время трезвой ясности окончательно стал достоянием прошлого.

2. Очевидно, необходим новый тип демократического устройства, не в старом смысле (с верхушечным парламентаризмом и интригами партий), а основанный на "прямом действии" революционных масс - как учил французский синдикалист Ж. Сорель, одновременно идейный наставник Муссолини и лидера итальянских коммунистов Антонио Грамши.

3. Во главе этого движения оказываются не партийные ораторы или парламентские дельцы от политики, но элита вождей, выдвигающаяся в современном обществе по "железному закону олигархий", как его сформулировал единомышленник Сореля Роберт Михельс еще до 1914 г..

Это очень своеобразное сочетание в массовом обществе "низового" активизма и беспрекословного господства элиты во главе с авторитарным лидером уловили еще в 20-ые годы такие проницательные наблюдатели, как испанский философ Ортега-и-Гассет ("восстание масс") и крупнейший немецкий социолог Макс Вебер ("плебисцитарная диктатура харизматического вождя"). Такой императив эпохи (постлиберализм) действительно роднит по крайней мере ранний фашизм с большевизмом, - но здесь же начинаются и расхождения. Исторически состоявшимся проходом между Спиллой и Харибдой левого и правого тоталитаризма оказалось соединение экономической свободы с сильным государством и профсоюзами - "новый курс" Рузвельта или "шведская модель" европейской социал-демократии; и этой позиции, безусловно, оказываются близки именно левые политические установки, тогда как фашизм представляет собой лишь "исполненный новизны регресс" (Томас Манн), и именно фашизм оказывается, как подчеркивал в 1933-ем немецкий социолог Карл Манхейм, именно проблемой ДЕМОКРАТИИ, ее "несрабатывания" и решения рожденных ею проблем поворотом назад, к политической и социальной архаике. Именно это желание преодолеть современный кризис демократии и ныне уже социального либерализма возвращением к стабильному и закрытому "сильному порядку" представляет в наших условиях наибольшую опасность как политически, так и идеологически - со стороны тех радикальных интеллектуалов, кто готов ставить хоть на Макашова с Баркашовым, лишь бы не оказаться частью ненавистной им "системы". Показательно притом, что, обвиняя (подчас не без оснований) правящий класс в превращении державы в страну третьего мира, они интеллектуально воспроизводят именно лево-националистический модус политического сознания собственно латиноамериканского образца. Все эти обстоятельства современности и придают радикально правой идеологии видимость последовательности, "честности" и "героического пинизма", которые в кризисную эпоху могут даже оказаться притягательными

для тех “людей пера”, кто пытается избежать конформистского “примирения с действительностью”, но тем самым также интеллектуальной и моральной ответственности за проводимое их силами “разрушение разума”.

Духовная история Германии 20-х-30-х годов дает тому достаточное подтверждение; самыми известными примерами интеллектуального грехопадения и участия в нацистском движении остается “казус” Мартина Хайдеггера. Крупнейший немецкий философ, Хайдеггер происходил из очень бедной католической семьи, и его путь к профессорской карьере в аристократически-академической среде был долог и достаточно труден. Философские категории его основного труда “Бытие и время” (страх, забота, заброшенность) оказались сродни той духовной атмосфере, в которой существовал рядовой немец, в кризисе и сумятице начала 30-х. Его временный союз с нацизмом в период пребывания на посту ректора Фрейбургского университета в 1933-34 годах он сам, во многом справедливо, объяснял стремлением содействовать демократизации системы высшего образования, преодолению

его кастовой, чиновничьей замкнутости. Хотя изображение Хайдеггера при нацистах (после отхода от политического участия) чуть ли не как “внутреннего эмигранта” весьма далеко от истины, главным упреком в “споре о Хайдеггере” было все же его нежелание в последующем признать какую-либо вину или ответственность за случившееся: речь шла о духе эпохи, природе “технического”, забвении бытия. И совершенно отсутствовал вопрос о моральном сознании и роли собственного поступка. Спор о Хайдеггере и вообще о политической ответственности любого философа продолжается и по сей день - ибо важной остается та самая грань, которая отделяет позицию мыслителя как выразителя кризисной эпохи (если мир расколот, то трещина, как замечательно сказал Гейне, проходит через сердце поэта) от его возможного участия в мрачном, кровавом - а в итоге и самоубийственном для мысли - углублении этого раскола.

Я.М.Б.

“Новые правые” и старые идеи

После 1965 года и конца франко-алжирской войны группа крайне правых студентов, более или менее вовлеченных в борьбу за сохранение Алжира в составе “Французской Империи”, сменила тактику. Они симпатизировали террористической группе ОАС, которая противостояла политике Де Голля. Следуя учению марксистского философа Антонио Грамши о том, что политическая сила будет принадлежать достигшему наибольшего культурного влияния, они оставили политическую борьбу на улицах и сконцентрировались на культурной работе. Так началось самое большое наступление ультраправых в Европе со времен Второй мировой войны.

Целью упомянутой маленькой группы было построить последовательную и прочную идеологическую базу, с тем, чтобы поспособствовать повлиять на политических лидеров “классических” правых. Для последних правые идеи были, главным образом, экономическими идеями. В отличие от них, социал-демократы и коммунисты привязывали свою идеологию к самым разным темам.

Победа партии социалистов на выборах 1981 года не явилась сюрпризом для новых правых, так как культурное влияние уже долгое время сохранялось за левыми. Правые знали, что их собственная работа в этом направлении займет еще много времени. В противовес экономически ориентированным правым, созданная в 1967 году GRECE (Группа исследования и изучения европейской цивилизации) предполагала сформировать политические приоритеты. Конечно, их прошлое и некоторые их идеи все еще порой “душно пахивали”. Во избежание этого, они решили с самого начала пользоваться языком, ни у кого не вызывающим нареканий, отвечающим принципу “подарок хорош, коль скоро хороша упаковка”.

Что же было “подарком”? Трудно исчерпывающе ответить на этот вопрос в нашей статье. GRECE задействовала историков, географов, социологов, психологов, искусствоведов, писателей, ученых, призванных работать над всеми сторонами жизни общества.

Попробуем все же разобраться в основных установках этой группы.

Они разделяют индо-европейскую идею одной единой культуры для всей Европы, без различия национальностей внутри одной расы - белых европейцев. Мы знаем, насколько индоевропейская идея близка гитлеровской идеологии, за исключением того факта, что для Гитлера существовала иерархия и среди европейцев, а также превосходство немцев над всеми. Так написано в “Майн кампф” - во всяком случае в ее первоначальном варианте, а не в глупом переводе на русский, осуществленном российскими фашистами. (Последние “забыли” включить в книгу определение русских как принадлежащих к нижней расе и лишь немного превосходящих евреев).

GRECE опирается на книги уважаемых авторов, вроде Дюмезиля, используя их в своих целях, несмотря на протесты того же Дюмезиля, также они действуют по всем

направлениям в надежде приобрести облик серьезных исследователей, объективных и не склонных к конформизму.

С самого начала члены GRECE были откровенными расистами, сторонниками идеи превосходства белых европейцев над всеми и последователями так называемой социобиологии и социал-дарвинизма. Они считали, что человек подобен дикому животному, и победить суждено сильнейшему, причем на планетарном уровне. Это в равной мере относится и к народам, и к расам. GRECE был свойственен также культ героев и воителей.

Но постепенно они эволюционировали в интеллектуальном смысле: трудно претендовать на роль серьезных исследователей с такими представлениями об отношениях между расами. Они перестали писать в своих журналах об иерархии рас. Некоторые культуры были признаны столь же достойными, сколь и европейские, однако... только для народов-носителей этих культур. Смещение европейских культур с неевропейскими совершенно исключалось.

Известно, каково естественное продолжение этой мысли: всемирный апартеид. Тем не менее, эта идея стала весьма популярной в политических кругах как правого, так и левого спектров, стремящихся оправдать свою жесткую политику против эмигрантов и беженцев.

Члены GRECE - язычники и убежденные антихристиане - считают, что иудо-христианская культура дала Европе представление как о равенстве, так и об индивидуализме, а оба эти понятия одинаково ненавистны новым правам. Они предпочитают принципы "естественной" иерархии, тотальности, философию целостности - холизм. Все должно принадлежать расово-... простите, - культурно-целостному обществу, представленному Государством. Далее, они, в целом, согласны с индийским представлением об иерархии каст. Но вслед за Юлиусом Эволой, итальянским фашистским интеллектуалом, они полагают, что решающую роль играет не брахман, священник, а кшатрия, воин.

Некоторые идеи чрезвычайно близки нацистской идеологии. Некоторые скорее ближе к "консервативно-революционным" теориям националистически настроенных интеллектуалов Веймарской республики (1918-1933) в Германии. Большинство этих людей, таких, как Эрнст Юнгер, Освальд Шпенглер, Карл Шмитт, дали ряд важных идей Гитлеру и его головорезам, несмотря на то, что потом дистанцировались от гитлеровского режима 30-40-х годов.

В первой половине 80-х годов некоторые участники GRECE пробовали войти в отдельные маленькие фашистские партии и повлиять на них изнутри, например, на такие партии, как Troisième Voie ("Третий путь", - партия, кстати, не имеющая ничего общего с довольно милой экологической группой в России) или Nouvelle Resistance ("Новое сопротивление"). В 1987 году некоторые значительные фигуры из новых правых вошли в Национальный Фронт Жан-Мари Ле Пена, где они добились большого влияния как на идеологию, так и на политическую стратегию.

Но "большой босс" GRECE, Ален де Бенуа, не хотел видеть новых правых вовлеченными в подобные политические операции. Скорее, он разрабатывал метаполитическую и интеллектуальную стратегию с целью объединить всех врагов системы. Эдакая социальная и политическая "периферия" против "центра", правящего миром. С этой

целью Ален де Бенуа создал специальный журнал "KRISIS" ("КРИЗИС"), где левые и правые интеллектуалы получили возможность свободно дискутировать на разные темы. Этим путем он добился признания в довольно широких кругах. Конечно, подобные цели и задачи не могли оставить его безучастным к политической ситуации в России, к созданию красно-коричневого фронта. Был достигнут неплохой контакт с окружением Дугина, позже разбившийся, возможно, о политический экстремизм и даже хулиганство русских новых правых. Де Бенуа предпочитает быть более скрытным и более представительным.

Но Дугин все еще ссылается на идеи де Бенуа...

Несмотря на статьи многих оптимистически настроенных журналистов, настаивающих на том, что новые правые сейчас не столь значительны, факт остается фактом: во Франции, Бельгии, Германии, России, Сербии эти идеи набирают силу, и не только среди ультраправых.

Когда же демократически настроенные круги смогут ответить на это интеллектуальное наступление и смогут разработать новые пути в политике?

Отвечать им, отвечать нам.

Pierre Herisson
REFLEX/NO PASARAN
France

Ревизионизм - подмена истории

Суть так называемого ревизионизма заключается в попытке представить нацистский режим невиновным в развязывании Второй мировой войны и в намеренном уничтожении евреев. Ревизионистские тенденции характерны для значительной части правых в западных странах - от консерваторов до ультраправых; ревизионисты в узком смысле слова - это неонацистски настроенные историки (или псевдоисторики - см. об этом в конце статьи), пишущие книги в подобном ключе. Какова же история этого явления?

Ревизионизм возник практически сразу после освобождения Европы от фашизма. Один из первых ревизионистов, Поль Расиньер - француз, сам был узником Бухенвальда. В 1949 году он опубликовал книгу, в которой отрицал убийства в газовых камерах. Вполне закономерно, что первые подобные попытки происходили не в самой Германии, где только что потерпел поражение нацистский режим, а в других западных странах - прежде всего в США и Франции. Но уже в начале 1950-х годов в ФРГ выходят в свет первые работы, авторы которых пытаются снять ответственность с Германии за развязывание войны. Отметим, что это направление, являясь не столь радикальным и более "интерпретативным", нежели отрицание Холокоста, популярно уже не только среди ультраправых, но и у значительной части "обычного" населения.

С середины 1960-х годов в ФРГ появляются своего рода "исторические исследования", где отрицается массовое уничтожение евреев. В свете многочисленных доказательств этого уничтожения (например, подробное описание Рудольфом Гессом процесса использования газовых камер в лагерях), такие публикации выглядели просто наглой ложью. Но на книжный рынок были выброшены "правильные" свидетельства современников, тоже претендующие на статус доказательств. Впрочем, это были воспоминания людей, близких к нацистским верхам. Разумеется, внимания читателя на этот факт никто не обращал.

Начало 1970-х годов - время новой волны ревизионизма; тогда вышли сразу несколько книг, получившие огромную популярность как у откровенных неонацистов, так и у правоконсервативной части общества. К наиболее известным относится вышедшее в 1973 году "исследование" Т.Кристоферсена "Ложь об Освенциме". Кристоферсен описывает лагерь уничтожения как некое подобие санатория, доходя до таких трогательных подробностей, как наличие у женщин-узниц пудры и губной помады. Несмотря на то, что автор сам не понаслышке знаком с Освенцимом - он занимал высокую должность в одном из внешних лагерей - он цинично противоречит многочисленным свидетельствам переживших.

Еще одна характерная выходка в ревизионистском духе - некая правоконсервативская организация выпустила листовку со следующим текстом: "Мы заплатим 10 тысяч марок за каждое беспристрастно доказанное "убийство" в газовой камере немецкого концлагеря".

В конце 70-х пропагандистская активность ревизионистов достигла новой высоты. Уже не только выходили

многочисленные подобию "Лжи об Освенциме" (пожалуй, здесь уместно убрать кавычки), но и проводились многочисленные встречи их авторов с читателями - обычно под нейтральными названиями. В тот же период дважды предпринимались попытки провести так называемый конгресс "по Освенциму", чтобы привлечь как можно больше внимания общественности. Но неонацисты не ограничивались пропагандой - тогда же неоднократно подвергались нападению выставки, посвященные Холокосту. Заметим, что авторы ревизионистских книг и главы неонацистских организаций разного толка были и по сей день остаются тесно связанными между собой.

В начале восьмидесятых к власти пришло правительство Г.Коля, что явилось одной из предпосылок последовавшей через несколько лет новой волны популярности ревизионистов. Канцлер и правительство, призывая к "преодолению общей трагедии и новому началу истории", продолжая реакционные традиции немецкой политики, содействуют тому, что граница между националистическим течением консерватизма и выражено неонацистским изображением истории становится все более неопределенной. "Преодоление общей трагедии" звучит неплохо, но так ставятся на одну доску жертвы и преступники, - как будто у них одна общая трагедия. Кажет-

Лагерь смерти Освенцим

ся, это очень близко к тому, чтобы поменять их местами, к чему так склонны ревизионисты. В конце 80-х годов самыми видными фигурами среди ревизионистов стали Э.Цюндель и Д.Ирвинг. К этому времени относится появление нового приема, а именно попыток доказать техническую неприменимость “так называемых” газовых камер для массовых убийств; и эти “доказательства” были опровергнуты. В начале 90-х годов неоднократно были предприняты попытки провести большие конгрессы под лозунгами типа “Правда делает свободным” (раньше писали “Работа делает свободным”), но большинство из них проваливались; все же ряд более мелких (или, точнее, более закрытых) удался.

Таков краткий очерк истории ревизионизма. Однако наша цель - не просто описать эту историю, но и попытаться раскрыть, чем же опасны ревизионисты. Ревизионисты претендуют на статус ученых-историков, но, судя по всему, не могут быть признаны таковыми. Пользуясь притянутыми обобщениями, фальшивыми привязками, произвольным выбором приводимых фактов и утверждений признанных ученых, подлогами, они распространяют чудовищную ложь. Я не случайно употребляю характеристику “чудовищная”, поскольку она и кощунственна, и может иметь ужасные последствия. Эти нагромождения,

на самом деле шаткие, могут быть - и неоднократно были - опровергнуты; но ложь практически невозможно дискредитировать в глазах того, кто ее ищет. Ревизионисты охотно используют категории “ложь” и “правда”, но как раз их произведения и представляют собой беззащитную ложь. Это из области не познания, а манипулирования сознанием. Для них и для тех, кого они поддерживают - неонацистских организаций, важна не истина, а власть.

Ревизионисты не просто искажают истину. Они опасны в первую очередь тем, что их идеи подаются в легитимной форме исторических исследований; легитимность же формы ведет к тому, что и содержание легче может получить признание. Создавая видимость доказательности, они отвечают чаяниям тех, кто не хочет помнить о вине режима. Наверное, самое скверное в этой “истории с историей” то, что таких желающих становится все больше. Конечно, глупо было бы считать кого-то обязанным нести вину “за грехи отцов”. Но пытаться изобразить дело так, что и вины отцов не было, как мне представляется, преступно. Риторический вопрос: не приводят ли подобные попытки “обретения народом истории” к ее повторению?

Т.Сергеева

Предмет спора: преступления вермахта

Выставка “Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941-1944 гг.” побывала уже в 16 городах ФРГ и Австрии. Документы и фотографии, собранные небольшим частным Институтом Социальных Исследований в Гамбурге, буквально потрясли Германию и разделили страну на два лагеря. Резонанс, вызванный выставкой, постепенно достиг и других стран, вызывая из сундуков на свет Божий ветхие фотографии и пожелтевшие письма, а на глазах их владельцев - слезы иной раз стыда, а иной - негодования. Но не только пережившее войну поколение взволновала выставка. У молодых нацистов появился уникальный повод пошуметь, а у антифашистов, соответственно, прибавилось хлопот.

Самое удивительное, что ничего принципиально нового среди документов, представленных на выставке, нет. Письма и дневники немецких военнослужащих, приказы и донесения офицеров вермахта доказывают лишь одно: не только зондер-команды и части СС виновны в мучениях и истреблении евреев, цыган и других мирных жителей, подлежащих уничтожению. В зверствах участвовали и рядовые солдаты, и офицеры немецкой армии, в обязанности которых входило воевать, а не истязать мирное население.

Но цель выставки - отнюдь не обвинить всех немцев, воевавших на востоке. Хорошо известно, что, как и на любой войне, встречались и люди, безразличные ко всему, и люди, принципиально не согласные с идеями, за которые они гибли. При мобилизации о взглядах не спрашивают... Но были и другие - те, кто либо по доброй воле, либо рассчитывая на награду за усердие, либо просто по глупости, поддавшись пропаганде, шли на страшные преступления, циничные, варварские, оправдания

которым быть не может. О таких случаях и рассказывает выставка.

Казалось бы, что же тут нового?

В нашей стране на протяжении многих лет с детского сада и первых классов школы в сознании детей создавался образ отталкивающего, не имеющего ничего человеческого “Фрица”, в играх мальчишки настигнутому “врагу” кричали “хэндэ хох”, не зная даже толком, на каком это языке, в книгах и фильмах о войне появление сомневающегося в идеях нацизма немца (если он, конечно, не был коммунистом) было почти невозможным. Кто объяснял нам, когда мы были детьми, что были зондер-команды и войска СС, а были и люди, которых гнали, не спрашивая, отрывая от семей и домов и используя как пушечное мясо? Так что в России эта выставка, вероятно, привлекла бы интерес, кошмарные кадры заставили бы многих содрогнуться, но вряд ли все это стало бы сенсацией, как в Германии, событием политического значения.

В ФРГ очень мало семей, не пострадавших так или иначе от Второй мировой войны. Представьте себе женщин, чьи мужья погибли через несколько месяцев после свадьбы, сестер, потерявших братьев, детей, родившихся после гибели отцов. Они составляют большую часть современного населения Германии. Для того, чтобы сохранить любовь к погибшим и уважение к самому себе и в то же время не поддаться искушению хоть немного, хоть чуть-чуть, если не оправдать, то приуменьшить роль мужа, брата, отца в разыгравшейся трагедии, нужно было много мужества и душевной силы. Многие оказались на это способны. Но далеко не все.

И тогда постепенно возникла эта невидимая, но хорошо ощутимая грань между “ними”, цорицаемыми

Из документов выставки: Могилев, 1941

публично, и “нами” - “а разве нас спрашивали?”. Все это, впрочем, касается лишь тех, кто вообще негативно оценивал случившееся в Германии в 30-х - 40-х годах и испытывал горечь и стыд, а не сожаление о поражении нацистского режима. Ведь были и такие, есть они и сейчас, и их немало - а мало ли у нас людей, горько оплакивающих “прекрасную” сталинскую эпоху?

Появление выставки, убедительно показывающей, насколько тесно сотрудничали зондер-команды и сухопутные войска вермахта, истребляя евреев, цыган, партизан, мирное население Сербии, Белоруссии, Украины, России, Польши, практически стирало столь удобную для многих грань, отделявшую “их” от “нас”. Фотографии погромов, истязаний и убийств, пинично сделанные немцами военнослужащими, письма, с воодушевлением рассказывающие о “проведенной работе”, потрясают своей откровенностью. При этом содеянное оценивается как вклад в победу.

Кроме того, совсем по новому освещается роль Шестой полевой армии в прошедшей войне. Из каждой ста солдат этой армии вернулся домой лишь один, большинство же погибло в битве под Сталинградом. Неудивительно, что отношение к событиям 1942-1943 гг. в Германии сильно отличается от принятого в России. Для многих немцев это поражение, унесшее тысячи жизней солдат и офицеров, стало символом скорби по всем согражданам, погибшим в разных битвах, а для крайне правых - символом позора нации.

То, что отец, дядя или брат погибли под Сталинградом, создавало в глазах их родственников ореол героизма вокруг их имен. До сих пор живут рассказы о том, как храбро сражались те, кто, предпочитая погибнуть, но не сдать в плен вместе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, остались лежать в русской земле. Ведь у солдата есть своя воинская честь, и разве можно судить тех, кто героически пал на поле брани? Так рассуждают многие.

Среди документов, представленных на выставке, есть немало таких, которые бесспорно доказывают участие военнослужащих Шестой полевой армии в страшных погромах и зверствах над мирным населением в Киеве. Хотя никто не обвиняет ни всю эту армию, ни в особенности тех, кто впоследствии погиб под Сталинградом, затронута, тем не менее, святая для немецких ветеранов и их семей тема. О чем бы еще ни рассказывала выставка, один этот факт сразу придавал бы ей скандальную известность. В газетах замелькали заголовки: “Солдат имеет

право на честь”, “Пусть мертвые спокойно лежат в земле”.

Но не только эта тема породила полемику в прессе. Дискуссии о возрастающей роли бундесвера, наследника вермахта, о попытках отмежеваться от истории немецкой армии приобрели в связи с выставкой особую остроту. После объединения Германии опять стала одной из самых сильных стран Европы, и об опасности растущего немецкого милитаризма уже давно говорят многие журналисты и политики.

Наибольшую известность получили события в Мюнхене, где неонацисты, солидаризовавшись с противниками выставки из числа ветеранов, провели марш протеста, собравший ни много ни мало 5000 человек. Это самый многочисленный нацистский марш в Германии с 1970 года. Прошел он открыто, при бездействии властей, с недвусмысленными лозунгами и обилием националистической и фашистской символики. Большой популярностью пользовался лозунг “Нет новой Катыни!”. То есть преступления вермахта участники марша пытались представить вымыслом, сравнимым с опровергнутым ныне обвинением немецкой армии в массовых расстрелах в Катыни.

Не утешает и то, что ответом послужила большая антифашистская демонстрация. Нацистский марш состоялся. Возрастающую угрозу фашизма в современном немецком обществе отрицать становится все труднее.

Дискуссия вышла и на политический уровень. Социал-демократы и Партия зеленых требовали не только показа выставки, но и торжественного открытия, в связи с важностью события, в ратуше Мюнхена. Христианско-Социальный Союз (CSU - наиболее консервативная и влиятельная партия Баварии) требовал выставку не показывать вообще, и уж всяко не в ратуше - символе государственной и национальной гордости. Тем не менее скандальная экспозиция заняла свое место именно там, а члены CSU, обязанные присутствовать на любом официальном событии в ратуше как представители своей партии, не явились на ее открытие - событие уникальное.

Из документов выставки: советские военнопленные

В Мюнхене выставку посетили более ста тысяч человек, которых не остановили даже многочасовые очереди.

В Бремене, куда выставка должна приехать к началу лета, решили готовиться заранее и, по возможности, не доводить дело до скандала. Противостояние было классическим: Христианско-Демократический Союз (CDU) требовал не допустить показа в земле Бремен, социал-демократы и Партия зеленых настаивали на открытии выставки в ратуше. Уже с самого начала 1997 года на первых полосах газет стали печататься статьи, выразившие разные точки зрения на проблему, интервью с политиками и историками.

CDU подготовил обширную документацию, доказывающую историческую несостоятельность выставки. В частности, подписи под некоторыми фотографиями "Точное место не установлено" не давали права, по мнению авторов документации, на их показ, раз толком ничего не известно. Также было произведен подбор питат, который очень напоминал "выдержки" из Солженицына в советских газетах 70-х - 80-х годов. Начало фразы давалось с одной страницы, а конец (через отточие) - с другой, подчас даже из другой главы, что позволяло комбинировать действительно абсурдные заявления. Однако, это были уже другие фразы других авторов.

Эта "документация" активно распространялась среди жителей Бремена, особенно среди людей пожилых. Так как почти никто выставки не видел и очень мало кто видел ее каталог, то многим удалось убедить и возмутить представленных фактами. В результате, когда была объявлена открытая дискуссия в ратуше, накал страстей в городе был уже довольно высок.

Дискуссия состоялась 26 февраля 1997 года. Вступительное слово произнес Хеннинг Шерф, бургомистр Бремена, представитель Социал-Демократической партии этой земли. (Необходимо заметить, что, хотя победа на последних выборах в этом регионе досталась социал-демократам, разница с результатами CDU составляла лишь несколько голосов. И та, и другая партия располагают примерно 38 процентами голосов избирателей.) Не выражая никак своего мнения, Шерф приветствовал всех присутствующих и призвал к объективности в суждениях. После него выступали историки, общественные деятели, специально прибывший на дискуссию директор частного гамбургского Института Социальных Исследований, подготовившего выставку, Реемтема, а также организатор выставки Ханнес Хеер.

Наибольшее впечатление производили речи генералов, которые начинали карьеру офицерами в вермахте и дослужились до своих чинов в бундсвере. Становилось странно. Они явно с гордостью говорили о своей службе в вермахте, и все в них, даже высокопарная устаревшая

Мюнхен, март 1997 г.

1. Нацисты протестуют против выставки

2. Антифашисты протестуют против марша нацистов

лексика, вызывало в памяти то, что, казалось, уже давно стало историей. Вспоминался А.Галич:

Пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличье!

Им бы, гипсовым, человечины -
Они вновь обретут величие!

Были, впрочем, среди собравшихся и те, кто, отвоёвав на Восточном фронте и даже пройдя через советские лагеря для военнопленных, пришли, чтобы сказать: "Мы там были. Мы это видели. Все, о чем рассказывает выставка, - правда". Но их было сравнительно мало, и голоса их звучали тише. Ведь те, кто стремится обелить себя, переврав историю, всегда кричат громче, чем те, кто каются в содеянном - если, конечно, их покаяние искренно.

Благодаря общественному резонансу и шумихе в прессе, на отказ от выставки пока еще ни один город не решился. Но скандал, ею вызванный, вскрыл внутренние противоречия в отношении к собственной истории как среди простых обитателей Германии, так и на правительственном уровне. "Еще до недавнего времени преступления вермахта во время войны против Советского Союза были запретной темой", - писала об этом еженедельная газета "Цайт". Те же темы затронули на своих страницах "Шпигель" и многие другие влиятельные издания ФРГ. А события в Мюнхене в очередной раз продемонстрировали уровень поправления общества и силу, которую уже представляют молодые подонки, радостно отряхивающие пыль со старых нацистских знамен своих дедов.

В нашей истории есть также немало фактов и событий, которые очень многие сейчас хотели бы забыть, вычеркнуть, переименовать. Есть и те, кто, замахиваясь и на чужую историю, объяснят вам, что не было ни геноцида армян в 1915 году, ни геноцида евреев в 30-х - 40-х гг., да и расизм в Америке был и остается лишь выдумками отдельных психопатов.

И чем больше на земле людей, готовых перевернуть историю с целью реабилитации либо своего прошлого, либо своих сегодняшних идей, тем нужнее выставки вроде той, которая, с трудом пробивая себе путь, проходит сейчас в Германии.

В плане выставки и посещения Москвы, но когда это будет - пока неизвестно: маршрут экспозиции уже рассчитан до начала следующего века.

Ё.Ж.

Неоклассицизм - искусство или идеология?

В нескольких полуразрушенных комнатах дома на Пушкинской, 10, известного в С.-Петербурге места обитания неформальных художников, уютится учреждение с громким названием "Новая Академия Изобразительного Искусства". Возникновение этого мошеннического учебного заведения, продолжающего традиции псевдоакадемизма - результат явления, которое многие поначалу считали неудачной шуткой. Академия была основана 6 лет назад динамичным, заметным, часто полемичным художником Тимуром Новиковым для исполнения специфической и важной миссии - спасения великих традиций русского искусства XX века. Путем сближения с ультраконсервативной, с запашком национализма эстетикой (нечто среднее между соцреализмом и искусством фашистской Германии) Новая Академия надеется защитить российское искусство от тлетворного влияния западного модернизма.

В темной, похожей на бункер галерее висят монументальные полотна "профессора" Георгия Гурьянова, демонстрирующие физическое совершенство решительных советских летчиков-истребителей и солдат, вглядывающихся в милитаристское светлое будущее. "Профессора" Олег Маслов и Виктор Кузнецов создают удивительно безкусные произведения - огромные фотографии обнаженных мускулистых молодых людей. Кое-где стены украшены изображениями греческих богов невероятных размеров, лирами и неоклассическими работами "студентов".

"Музеи современного искусства - наглядный пример упадка современного искусства, - объясняет Тимур Новиков, забравшийся в свой микроскопический офис. - Там можно найти лишь загнивание, уродливость, извращение и хаос. До разрушения Советского Союза Россия была защищена от подобной грязи, нам же необходимо сохранить традицию. Не так давно демократы головы нам поносили бы за такое, но теперь правительство само все медали скоро отдаст нам."

И действительно, последователи Тимура Новикова отнюдь не одиноки в мире искусства. Тому же направлению принадлежат и недавние работы Ильи Глазунова, однажды названного лондонским искусствоведческим журналом "Art Review" "вероятно, самым популярным из ныне живущих художников". Произведение Глазунова "Проснись, Россия!" имеет сильный крен в сторону экстремистского русского национализма. На первом плане - мускулистый молодой человек с обнаженным торсом,

державший в одной руке Новый завет, а в другой - винтовку. За ним изображена молодая женщина с автоматом и развевающимся флагом России. Дабы закрепить свою мысль в сознании посетителя галереи, Глазунов помещает на полотно мальчика с барабаном, на котором написан лозунг: "Слава России. Россия для русских". На других работах изображены толстогубые негры, утаскивающие обнаженных белых женщин, и бородатые еврей-хасиды, сосущие русскую кровь. Необходимо заметить, что Глазунов всегда пользовался поддержкой государства, и что открытия его выставок посещают такие заметные фигуры, как Б.Ельцин, Ю.Лужков, Г.Зюганов.

Реакционная тенденция в искусстве уже вполне основательно укрепилась в С.-Петербурге. Это произошло благодаря "Новой Академии", "профессора" и "студенты" которой, как своеобразные мантры, твердят идеи и теории, совершенно очевидно исходящие от их лидера Тимура Новикова: "все новое это хорошо забытое старое", "европейское искусство было отравлено модернизмом", "здесь в С.-Петербурге мы спасем великие традиции красоты".

Обладающий поразительной организаторской энергией Тимур Новиков все последние 10 лет был очень заметен в артистическом мире С.-Петербурга. Его работы, чаще всего исполненные в ткани, были показаны в главных галереях Парижа, Нью-Йорка и Вены. Правда,

в Берлине Bethanian Gallery отменила одну из выставок Новикова из-за фашистских тенденций, присущих его работам.

Подчеркнуто оппозиционная Западу теория Новикова - это националистическое переосмысление истории искусства России и попытка противостоять культурному вторжению западного модернизма. "Я эколог, - говорит он, - для меня очень важно сохранить культуру, находящуюся на грани исчезновения." Новиков полагает, что модернизм - это помрачение ума, искажение, форма, инфантированная, по его мнению, "примитивными, африканскими шаманскими" ценностями. "То, как Запад смотрит на будущее, не представляет для нас абсолютно никакого интереса, - говорит он. - Каким западный человек видит будущее? - дрянные дешевые фильмы. А в сфере искусства - модернизм - пустота, беспорядочность и уродливость." Русский футуризм 10-20-х гг. (единственный период, который на Западе считается действительно ценным) Новиков и его коллеги расценивают как кривую дорожку, модернистское отклонение от истинного пути

Г.Гурьянов "Балтийский флот"

русского реализма. Новиков пытается переписать историю, заявляя, что крах футуризма был обусловлен не грубой государственной политикой, а естественным ходом вещей. "Люди просто перестали интересоваться их работами, - утверждает он. - Ни Малевич, ни Филонов, ни Степанова не были посажены. Лидеры авангарда не были посажены. Если Клуциса застрелили, то из-за его связи с латвийскими солдатами. Если футуристов арестовывали, то не из-за того, что они были художниками, а из-за их близости к дискредитировавшим себя партийным лидерам."

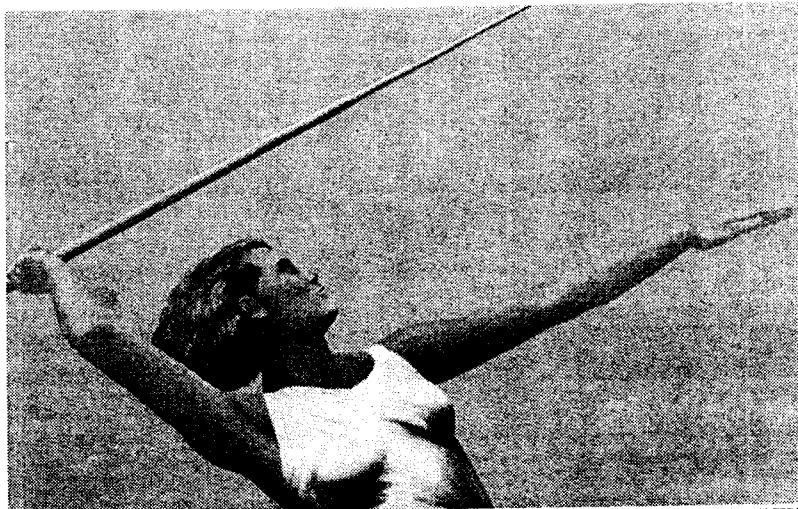
Работа неоакадемистов получает значительную поддержку как внутри, так и вне художественного мира СПб. Частично эта поддержка исходит не от кого иного, как от Эдуарда Лимонова, экс-министра теневого кабинета Жириновского, а ныне - лидера Национал-большевистской партии. В 1974 г. власти заставили его как писателя-диссидента эмигрировать в Нью-Йорк. Теперь же Лимонов считает, что, начиная с 5 марта 1953 г. (дня смерти Сталина), Россия находилась в упадке, и что меньшинства всегда надо "наказывать", чтобы они знали свое место.

Его газета "Лимонка" извергает поток ненависти по отношению к ингушам, чеченцам, выдвигает странноватые теории о том, что Китай, перенаселенный мужчинами, якобы намеревается совершить вторжение в Россию, чтобы воспользоваться русскими женщинами. Несколькими лет назад Национал-большевистская партия объединилась с группой музыкантов, дабы способствовать распространению своих идей. Среди этих музыкантов были ныне умерший Сергей Курехин, рок-группа "Коррозия металла" и сибирская панк-группа "Гражданская оборона". "Мы - современная партия, - говорит Лимонов, - молодая партия заинтересована в молодых людях. Артисты могут нам помочь привлечь этих людей. Неоклассицизм завоевывает страну. Мы чувствуем себя здесь, как после падения Римской империи."

И.Глазунов "Проснись, Россия!"

Любопытен факт, что Тимур Новиков после обличительной статьи в газете "Смена" счел нужным вступить в полемику и публично откеститься от принадлежности к какой-либо политической партии. Правда, сказал, что ис-

Г.Гурьянов "Метательница копья"

пытывает глубокое уважение к "творческим людям" - композитору Курехину и писателям Лимонову и Дугину "вне зависимости от их политических и эстетических позиций".

Появление подобных людей в сфере искусства - результат расслабленности брежневской эры и раннего горбачевского периода с его застойным благосостоянием и относительной свободой. "Русские прекрасно жили на этой территории еще до того, как появился сам термин "тоталитаризм", - говорит Новиков. Еще более вызывающе высказывается нарко-шоумен Владик Мамишев-Монро: "Раньше было так здорово: вся жизнь - как большое кино в стиле соцреализма."

Распад СССР стал для этих артистов полным шоком (даже для тех, кто извлек некоторую выгоду из последовавшей за распадом либерализации). "Все здесь до сих пор чувствуют ностальгию по тоталитаризму, - говорит петербургский критик и артист Сергей Хлобыстин. - Угнетенность - это один из видов ментального комфорта. Когда власти притесняли тебя, то ты, по крайней мере, сознавал свою важность." Но гораздо интереснее то, что творческие люди, потеряв старого врага в лице коммунистического тоталитарного режима, заняты поиском нового. Новыми объектами их ненависти становятся чеченцы, грузины, цыгане, евреи, мафия, Запад, коммунисты, капиталисты...

"Многим людям необходима схема жизни, прямая дорога, по которой надо идти, - говорит чешский поэт Холуб. - Большинство писателей и артистов в Восточной Европе всегда существовали в строгих рамках системы "мы - они", вне которой их функционирование невозможно. Без подобного упрощающего мышления все становится гораздо труднее. Если нет образа врага, то все, что мы имеем - лишь сложнейшее взаимодействие различных сил общества, огромный беспорядок. Как оно и есть на самом деле."

Д.Александрова

В статье использованы материалы газет "St.Petersburg Press" и "Смена".

“Дитя нашего времени”

9 марта 1997 г. в С.-Петербургской филармонии прошел необычный концерт.

*Проклятье рождено.
Темные силы грозят ему.
Он идет к властям.
Он встречен враждебно.
Он и сам теперь совсем другой,
он бесом обуян и разрушением.
Он стреляет в чиновника -
Но он стреляет лишь в своего темного
брата - и посмотрите... он мертв.*

Эти строки из оратории английского поэта и композитора М.Типпета “Дитя нашего времени”(1939-41 гг.) порождены его переживаниями, вызванными драматичными переменами в Европе после первой мировой войны и мыслями о судьбах “униженных и оскорбленных”. На окончательное оформление замысла решительно повлияли события 1938 года - сентябрьская Мюнхенская конференция, приблизившая и предопределившая неизбежность второй мировой войны, и выстрел в нацистского дипломата в Париже, совершенный еврейским юношей Герштелем Гриншпаном. Юноша был возмущен принимавшими все более и более широкий размах репрессивными мерами против евреев в Германии. Дипломат скончался два дня спустя, а весть об этом достигла Германии 9 ноября. С этого дня начались массовые погромы, тайно организованные нацистской партией:

*На них пало страшное мщение.
Сожгите дотла их дома! Разбейте им головы!
Тела расчлените на части!*

Погромы привели к огромному количеству жертв, сотни еврейских домов, синагог и предприятий были разрушены или сожжены. Этот день получил название “Хрустальной ночи”, так как улицы городов были сплошь усыпаны осколками разбитых витрин. Трагические события 9 ноября, таким образом, положили начало открытому геноциду евреев в Германии.

Весь сюжет оратории построен на евангельском изображении Иисуса Христа и на истории еврейского народа.

*Повсюду, где только могли, бежали они от террора.
С ними был ребенок, тайно спасенный
и спрятанный в огромном городе.*

Здесь видны аналогии как с Христом, так и с Герштелем Гриншпаном. Каждый из них - “как будто один против всех”, каждый “сопротивляется миру” во имя людей.

Но речь идет не только о еврейском народе, это лишь самый яркий пример преследования:

*Ныне нет нации, в которой не было тех,
кто изгой, кто замучен властью,
кто не страдал бы от великого зла.*

Об этом же свидетельствует и использование Типпетом африканских духовных песен - спиричуэл - в роли хоралов:

*О, братья молитесь за меня,
О, братья, молитесь за меня,
помогите мне отвести прочь старого Сатану.*

Оратория завершается словами надежды на исцеление, на свободу, на возвращение домой, в свою землю:

*Я хочу перейти в свою землю.
О дети! Разве не хотите вы прийти
На евангельский пир,*

В эту обетованную землю, где всегда царит мир.

Н.С.

ПРОГРАММА

ТИППЕТ (род. в 1905 г.)
«Дитя нашего времени», оратория для солистов, хора и оркестра (1941)
(Первое исполнение в России)

I часть

Хор
Аргумент
Сцена
Рассказчик
Хор угнетенных
Соло тенора
Соло сопрано
Песнопение

II часть

Хор
Рассказчик
Хор преследователей и гонимых
Рассказчик
Хор фарисействующих
Рассказчик
Квартет
Исполнение
Сцена
Рассказчик
Террор
Рассказчик
Песнопение гнева
Ребенок поет в тюрьме
Мать
Соло альта
Песнопение

III часть

Хор
Соло альта
Сцена
Общий ансамбль
Песнопение

Владимир АЛЫШУЛЕР
Директор
ХОРО ТЕАТРАЛЬНОКОМПАНИИ
«ПЕТЕРБУРГ — 5 канал»
Художественный руководитель —
Владимир СТОЛПОВСКИХ

АКАДЕМИЧЕСКИЙ
СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР ФИЛАРМОНИИ

Воскресенье 9 марта 1997 года
5-й концерт второго абонемента

Военная история

Жизнь каждого человека можно читать как самый увлекательный в мире роман, стоит только открыть книгу. В давние времена, тогда, когда люди еще не умели писать, или лишь немногие как дар божий втайне хранили искусство письма, сочинялись саги. В них умудренные прожитыми годами люди передавали свой опыт в наследство потомкам, чтобы те, в свою очередь, оставили своим детям сказания о далеком и недалеком прошлом, легенды и мифы о богах, героях и простых смертных, из судеб которых в сущности и складывается мировая история.

Е. П. Русанова 1940г.

как сдала экстерном экзамены за последний курс сельскохозяйственного института в 1940 г. Отец Елизаветы Павловны был начальником станции “Лебяжья” под Ленинградом, которая оказалась во время войны на “Невском пятачке”. Когда Елизавета Павловна, молодой специалист из Ленинграда - ей был 21 год - приехала в Эстонию, ей предложили остаться в Таллине, но она мечтала о чем-то более трудном и переехала в город Курисари на о.Сааремаа. Там тоже оказалось слишком легко. В поисках настоящей романтики Елизавета Павловна и очутилась на о.Вильзинди.

Когда началась война, маленькая станция давала важную метеорологическую информацию для военно-морского флота и авиации. Таким образом, Елизавета Павловна стала участницей знаменитой обороны Моонзунда, группы островов, преграждающих вход в Финский залив на подступах к Ленинграду. О защитниках Моонзундских островов написано много книг. Елизавета Павловна получила одну из них - “Война погасила маяки” - от автора Ю.Чернова с дарственной надписью. В книге рассказывается о людях, которых Елизавета Павловна знала и которым помогала своими прогнозами. Елизавета Павловна награждена медалью “За оборону Ленинграда”. Но это было после войны, после нескольких лет немецкой тюрьмы, плена и трудового лагеря.

Когда Эстония была оккупирована германскими войсками, на тех, кто имел советское гражданство, началась охота как со стороны немцев, так и эстонцев. Уже задолго до войны в республике формировались военизированные отряды националистически настроенной молодежи,

продолжая традицию, предлагаем вниманию читателей еще одну военную биографию, рассказанную Елизаветой Павловной Русановой.

Война настала Елизавету Павловну на маленьком острове Вильзинди в Эстонии, где она работала техником-синоптиком на метеорологической станции после того,

так называемые “Ома-кайсе” и “Кайсе-лид” - армейские союзы самообороны, члены которых во время войны нередко сотрудничали с фашистами. Елизавете Павловне, однако, везло на добрых людей, и она с благодарностью вспоминает всех тех, кто ей помогал и укрывал в трудные годы. Так, некоторое время она прожила в семье начальника маяка А.Труверта. У Труверта было два сына. Старший за отказ от военной службы был расстрелян. С младшим сыном Труверта Елизавета Павловна дружит до сих пор.

2 февраля 1942 года, на “праздник трех королей”, Елизавету Павловну и еще двух русских, также метеорологов, работавших на маяке, арестовали. До выяснения обстоятельств по ее делу Елизавета Павловна сидела в одиночке. Она вспоминает, как на допросе при очной ставке с ее коллегой его стали пугать расстрелом, а ее склонять к сотрудничеству, и еще вспоминает, как съела свой комсомольский билет, когда ее арестовывали, и как ей потом стало плохо, потому что билет был большой и комом стоял в горле. Потом ее перевели в общую камеру.

Каждый день заключенных выводили на работы, то на разгрузку товарных составов, то в швейные мастерские, то на уборку территории. Всякое было в тюрьме: и били, и приходилось есть пустую отвратительного вкуса баланду, сносить оскорбления и жестокость надзирателей. От голода и недостатка витаминов заключенные сильно болели. Но опять же Елизавета Павловна говорит о тех, кто помогал, подкармливал, или шуткой и ласковым словом поднимал настроение. Вспоминает, как, когда послали пропалывать огород начальника тюрьмы, надзиратель сам посоветовал припрятать для заключенных немного овощей, другой иногда передавал бутерброды.

Заключенные помогали друг другу. Елизавета Павловна отдавала свой хлеб девушке в соседнюю камеру, потому что той не хватало. Девушка в благодарность прислала Елизавете Павловне расческу. Расческа была необходима: три месяца Елизавета Павловна не причесывалась. Потом, оказавшись в общей камере, благодаря этой расческе, девушки узнали друг друга и держались вместе.

Окно камеры выходило в маленький внутренний двор. Через двор находилось мужское отделение. Как-то Елизавета Павловна заметила в окне напротив юношу, который улыбался ей. Так она познакомилась с эстонцем Эриком Нутом. Его посадили за то, что он был нелоялен к немецкому режиму. Между ними завязалась тайная переписка. Иногда удавалось что-нибудь крикнуть через двор, хотя открывать окно было строго запрещено. Нут обещал сделать для Елизаветы Павловны туфли (видимо, он работал в сапожной мастерской), но не успел перешить. Его перевели на другие работы, и Елизавета Павловна его больше не видела.

В марте 1944 года Таллин сильно бомбили. Не устояла и тюрьма, в которой сидела Елизавета Павловна. Несмотря на двухметровую толщину стен, были выбиты стекла и

культуры, притом особое внимание уделено в книге периоду демократического развития Германии - Веймарской республике, оказавшейся историческим промежутком между кайзеровским режимом и утвердившимся в 1933 гитлеровским Рейхом. Ключевыми понятиями для книги являются описанные во Введении категории "политической культуры" (автор справедливо отсылает к словам немецкого социолога М.Каазе, сравнившего попытку точного определения термина "политическая культура" с попыткой прибить пудинг к стене гвоздем) и "мифа", притом мифом могут стать любые социальные целостности и определения - от класса и свободомыслия до почвы и крови. Автор справедливо сближает понятия мифа и политической идеологии и указывает на позитивное переосмысление категории мифа в XX веке - от Ницше до Ролана Барта, однако непонятным остается сам принцип различия ("мифа нации" от "мифа демократии", например, при всей очевидной симпатии автора к последнему) и методологический характер авторской позиции, ибо при такой расширенной трактовке категории "идеологии" что мешает объявить мифом саму объективность научной позиции исследователя?

Неожиданной и быть может несколько апологетической может показаться проведенное в книге последовательное отделение нацизма от немецкой политической традиции (при явной и бесспорной его укорененности в ней "по месту рождения"). Это, быть может, объясняется стремлением искусственно избежать частого смешения немецкой государственной традиции, бисмарковской прусской идеологии, австрийского антисемитизма прошлого века и великодержавных притязаний немецких националистов периода первой мировой войны в неразличимую "реакционную массу" предтечей фашизма (гл. II и IV). Особенно важным в этой связи представляется подробный анализ феномена "консервативной революции" как с "персональной", так и "социально-организационной" стороны (соответственно V и VI гл.), той традиции, которая оказалась связующей в отношении немецкого консерватизма, антидемократического образа мышления

и будущей нацистской радикальной политики (хотя отнесение "чистого" - до 1933 г. - консерватора и последовательного противника "политической романтики" Карла Шмитта к этому течению отнюдь не бесспорно).

В конечном счете нацизм (как и большевизм) оказываются для автора как бы "роковыми" явлениями общезначимого порядка, по отношению к которым германская (и российская) политическая культуры оказались из-за отсутствия устойчивой демократической традиции наименее исторически защищенными. В этом, равно как и при рассмотрении "мифа нации" в качестве ответа на извечное стремление к национальной идентичности, позиция О.Ю.Пленкова близка к консервативному крылу немецкой историографии, представленного прежде всего Эрнстом Нольте. Между тем в известном "споре историков" десятилетней давности (см. рецензию в N1 "Тумбалалайки" за прошлый год) оппонент Нольте - крупнейший социолог и философ Юрген Хабермас подчеркивал в противовес нерелексивной, "прирожденной" идентичности немцев новую, сознательную и конституционную идентичность как проблему и предмет бытия Германии в Европе и мире. Но при всех этих важных в нашем случае замечаниях, книга петербургского историка обладает немалыми достоинствами и приоритетом первой (на русском языке) работы, где дается общая историческая картина (полезными являются также вышедшие недавно отдельной книгой очерки Л.Млечиной "XX век. Уроки немецкого") развития немецкой - преимущественно правой и консервативной - идейной традиции в связи с эволюцией Веймарской Германии, ее краха и трагическими двенадцатью годами гитлеровского "тысячелетнего Рейха".

Я.М.Б.

Адрес редакции:
189620
г.С.-Петербург,
г.Пушкин-1
а/я 8

При перепечатке ссылка на газету обязательна.

никами. И сам Курехин, имевший широкие контакты в западной творческой среде, где подобные взгляды не приветствуются, делая несколько смелых заявлений, вдруг отступал. Так, после сообщения о том, что Курехин «возглавит штаб по проведению предвыборных мероприятий национал-большевистской партии в Петербурге» («Час пик», 12 сентября 1995 г.), он заявил в разговоре, что это не так и он просто «помогает другу». В организованных Курехиным встречах с Лимоновым и Дугиным участвовали его коллеги по «Поп-механике» — художники Тимур Новиков и Сергей Бугаев — «Африка». Однако большинство коллег и слушателей Курехина сочли внезапную политическую активность авангардиста мистификацией в духе байки о радикальном музыкальном течении «новый японский онанизм», которой он развлекал журналистов на протяжении всего 1994 года, и ему так и не удалось убедить многих, что он серьезен. А после его смерти 11 октября 1996 г. журналист «Смены» и один из лидеров петербургского отделения НБП Дмитрий Жвания посвятил целую полосу «Смены» обоснованию того, что национал-большевизм Курехина был отнюдь не шуткой в стиле «Поп-механики».

Жириновский, пожалуй, первым из российских политиков осознал потенциал рока как средства воздействия на молодежь. Он был главным гостем на открытии (ныне не существующего) клуба Sexton Fozd, спонсировал журнал «Русский рок», в штаб-квартире его партии обосновался рок-магазин «У Жириновского».

Крайне правую, чисто националистическую позицию занимает москвич Сергей Жариков, лидер группы «ДК», редактор журнала «Атака». Жариков состоял в НПФ «Память», вместе с Лимоновым был министром в теневом кабинете Жириновского и оказал заметное влияние на последнего. В 1980-х годах выпускал самодельные кассеты «ДК», порою украшенные антисемитскими карикатурами, и издавал подпольный праворадикальный

журнал «Сморчок», в перестройку выступил против рок-музыки в «Молодой гвардии» в духе тогдашних публикаций этого журнала, потом пропагандировал «национальный рок» в газете «День». Вместе с лидером трэш-метал-

группы «Коррозия металла» Сергеем Троицким по кличке «Паук» придумал термин «пунареф» для обозначения кавказцев, впервые прозвучавший в песне «Убей пунарефа» в 1991 году.

«Коррозия» — лидер московского наци-метал-рока, к которому также относятся группы «Д.И.В.» и «Кооператив Ништяк». Троицкий, несколько лет назад выставивший свою кандидатуру на пост мэра Москвы, считает деятельность Гитлера «примером триумфа человеческой воли» и утверждает, что российским этническим меньшинствам «нужна твердая рука» (The Moscow Times, 10 ноября 1996 г.). Помимо стриптизерш и карликов в шоу-группе, сопровождающей концерты «Коррозии металла», действуют «двойники» Гитлера.

Отдельную группу составляют «конфедераты» — поклонники рок-н-ролла Элвиса Пресли и музыки кантри. Сгруппировавшиеся в Петербурге в 1980-х годах, они известны расистскими взглядами, считают своим идеалом генерала Роберта Ли, возглавившего армию Юга в гражданской войне в США, обнаруживают знакомство с именами Рене Генона, Юлиуса Эволя и Эрнста Юнгера. В числе союзников «конфедераты» называют НБП.

Западные Nazi skins встречают противодействие рок-сообщества, им трудно найти место для выступлений, их концерты пикетируются, приличные средства информации их продукцию не рекламируют. Российские фашиствующие рок-музыканты чувствуют себя гораздо вольготнее.

Сергей Чернов

Книжкино ревью

Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1997

Книга преподавателя исторического факультета Санкт-Петербургского государственного педагогического университета посвящена недостаточно изученным в отечественной науке, но актуальным и политически злобо-

дневным проблемам немецкой истории. На фоне широкого исследования немецкой государственной и идеологической традиции выясняются те ее предпосылки, которые в исторически кризисной ситуации привели к утверждению нацистской идеологии. Автором привлечен достаточно широкий круг первоисточников и суждений историков, писателей и мыслителей, чтобы создать у читателя общую картину эволюции немецкой политической

Рок против демократии: механика и коррозия

Нацистов-скинхедов классического образца в Петербурге мало. Раньше они встречались в альтернативном клубе ТаМтАм на концертах наципанк-групп вроде Entsest Kuklz или Kehefaso, но с закрытием клуба в 1996 году эти группы потеряли место для выступлений. В других клубах их не очень приветствуют и широкой публике ознакомиться с ними практически негде. Традиционно скинхеды отмечают концертами дни рождения Гитлера, но эти собрания законспирированы и узнать о них нелегко. Своего издания скинхеды не имеют, найти их записи проблематично.

Гораздо больше сведений об Егоре Летове из омской панк-группы “Гражданская оборона”, прославившейся в конце 1980-х радикальным звуком, непензурными текстами и антитоталитарным пафосом. На концертах Летов украшал грудь символом анархистов. Все изменилось в конце 1993-го, когда Летов встал под черно-красные знамена Национал-большевистской партии Лимонова. 19 декабря в московском ДК Горького панк-музыканты Летов и Роман Неумоев предстали перед публикой в неожиданной компании с деятелями “духовной оппозиции” А. Прохановым и В. Бондаренко и нацболами А. Дугиным и Э. Лимоновым, чтобы объявить о создании “освободительного рок-движения “Русский прорыв”.

Репертуар “ГО” претерпел лишь незначительные изменения, зато в каждом интервью панк-гuru, при совет-

ской власти отсидевший за свое творчество в омской психушке, говорил о своем “ультракоммунизме”, “советском национализме” и любви к тоталитаризму. Стройная конструкция “Русского прорыва”, опиравшегося, по словам Летова, “слева — на Виктора Анпилова, справа — на Александра Баркашова”, развалилась, но Летов от своих взглядов не отказался. Его заявления стали даже еще откровеннее. Приехав в конце апреля в Минск с целью “поддержать Лукашенко”, которого считает “воином славянства”, в интервью местной газете “Имя” он посетовал на “досадную промашку” Гитлера: “Надо было объеди-

ниться с Россией и вместе двигать на Запад, а не воевать между собой”. Концерты “Гражданской обороны” собирают толпы подростков, продукция группы продается во всех рок-магазинах, о своих взглядах Летов говорит в “Программе А” и в газете “Рок-фузз”. Впрочем, едва ли большинство поклонников Летова поддерживает идеи Лимонова и Дугина: публика на его концертах мало отличается от той, что ходит, например, на “Алису”, лидер которой придерживается несколько иных взглядов. Песни Летова и сейчас играют в подземных переходах, но едва ли бросающие медяки прохожие ассоциируют их с дугинской борьбой против “атлантистов” или с лимоновским бойкотом иностранных товаров.

В национал-большевистских мероприятиях участвует целый ряд групп, хотя некоторые представляют собой побочные проекты участников “ГО”. После “Гражданской обороны” самой знаменитой до сих пор являлась тюменская “Инструкция по выживанию” (лидер - Неумоев), известная по песне “Убить жида”, но по недавнему сообщению органа НБП “Лимонка”, в партийные ряды вступил Дмитрий Ревякин из популярной в конце 80-х новосибирской группы “Калинов Мост”, принявший участие в рок-концерте, посвященном годовщине газеты. Практически все участники “Русского прорыва” — из Сибири и в Петербурге появляются редко.

Союз петербуржца Сергея Курехина, с его репутацией человека умного и ироничного, с НБП в 1995 году был большой неожиданностью. Любимец местной прессы, музыкант, вышедший из джазовых и рок-кругов, но с интеллектуальными и артистическими амбициями, он имел авторитет в петербургской богеме. Неожиданно провел пресс-конференцию Лимонова в Рок-клубе (май 1995 г.), устроил концерт “Курехин для Дугина” в ДК им. Ленсовета, посвященную сатанисту Алистеру Краули и с участием Дугина и Лимонова (сентябрь 1995 г.). А незадолго до выборов в Государственную Думу в красках изложил программу НБП в интервью “Смене” (декабрь 1995г.), послужившую рекламой Дугину, который баллотировался по 210-му округу Петербурга, выступил с Дугиным в Университете (март 1996 г.).

Собственно, этим и парой интервью его публичная деятельность во славу НБП и ограничилась. Непублично он пытался организовать пикетирование американского консульства и акцию с целью выселения с Пушкинской, 10 избирательного штаба “Демократического выбора России”, но не был поддержан ни музыкантами, ни худож-

